

СМЕРШ —
спецназ Сталина

КРИК ВОЛОТНОЙ ПТИЦЫ

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников
Крик болотной птицы

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Крик болотной птицы / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2024 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-197980-5

Самые интересные романы о сталинском спецназе — СМЕРШе. 1944 год. В концлагере под белорусским городом Астаповичи действует разведшкола абвера. Туда под видом предателей внедрены наши агенты — офицеры СМЕРШа Петр Стариков и Евдоким Лысухин. Завоевав доверие руководства школы, офицеры приступают к формированию диверсионных групп из числа советских военнопленных. По сути, смершевцы организуют для наших массовые побеги под прикрытием. Однако гитлеровцы внезапно заподозрили неладное. Контрразведчики понимают, что близки к разоблачению. Они готовятся дать последний бой, не подозревая, где притаилась настоящая угроза... «Смерть шпионам!» (СМЕРШ) — это короткое и беспощадное название носило особое подразделение НКВД, подчинявшееся И. Сталину. Созданное в годы войны, оно состояло из проверенных в бою, честных и бесстрашных офицеров Красной Армии. СМЕРШа боялись все — и фашистские лазутчики, готовящие диверсии в наших боевых порядках, и гитлеровские приспешники, действующие в глубоком советском тылу. Враг знал: если на его след напали бойцы сталинского спецназа, справедливого и скорого суда не избежать. Романы серии «СМЕРШ — спецназ Сталина» — это каждый раз увлекательный динамичный сюжет и новые исторические знания, это экшен, написанный простым и понятным языком.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197980-5

© Тамоников А. А., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Тамоников

Крик болотной птицы

© Тамоников А. А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 1

Собеседников было трое: полковник Грошев, майор Захаров и старший лейтенант Тузовский. Полковник и майор представляли разведку армии, Тузовский был летчиком. Разговор был серьезный. Грошев и Захаров вели себя сдержанно, Тузовский был возбужден и раздражен.

– Сколько можно спрашивать об одном и том же! – Тузовский энергично и со злостью потер лоб. – Говорю же, я все видел собственными глазами! Три раза на предельно низкой высоте пролетел над этим местом! Тут даже слепой – и то все увидел бы! А я все-таки не слепой! Я – летчик! – И Тузовский раздраженно махнул рукой.

– Да ты не сердись, – вздохнул Захаров. – Дело-то серьезное. Еще какое серьезное! Тут, понимаешь, ошибиться нельзя. Ошибемся – останемся в дураках. Да если бы только в одном этом было дело. – Захаров еще раз вздохнул. – Но ведь там – люди! Много людей! Наши пленные солдаты, партизаны, попавшие в плен... Наверно, есть и гражданские. Пропадут, если мы им не поможем. Убьют их фашисты. Поэтому все надо знать точно.

– Расскажи все еще раз, – сказал Грошев. – Со всеми подробностями, не упуская никаких мелочей. Сам понимаешь – в разведке мелочей не бывает. А ты летал в разведку. Ну, мы тебя слушаем.

– Ох! – вздохнул Тузовский. – Но зачем же в третий раз повторять одно и то же? Ведь и без того все, что видел, рассказал...

– Ну а вдруг что-нибудь да упустил? – сказал Захаров. – Сам того не желая... Тут ведь дело такое... В общем, успокойся, выдохни и рассказывай. А мы, если понадобится, будем задавать уточняющие вопросы. Понятно тебе или непонятно?

– Понятно. – Тузовский еще раз потер лоб. – Оно, если вдуматься, то и впрямь... Мог что-то упустить. Ведь кутерьма – не приведи и помилуй. Я лечу, по мне стреляют. Да и видимость не ахти.

– Ну, вот видишь! – ободряюще усмехнулся Захаров. – Так что ты, авиация, не ерепенься. Ну, мы тебя слушаем. Мы тебя очень внимательно слушаем.

– Значит, так, – начал Тузовский. – Позавчера утром я получил задание слетать на разведку в город Астаповичи. Далеконько, конечно, но приказ есть приказ. А что, спрашиваю, разведывать? Отвечают: доберешься до Астаповичей, покружишь и выведаешь, есть ли там концлагерь. По предварительным данным вроде как есть, но нужно уточнить. Сверху оно все видно. Ну и вот: разведаешь, уточнишь координаты того лагеря и назад. Понятен приказ? Так точно, отвечаю. Ну, тогда готовься и вылетай. И чем быстрее, тем лучше. Дело долгое, потому что те Астаповичи далековато, почти у самой границы, так что нужно успеть засветло. Что ж? Поднимаю по тревоге свой экипаж – второго пилота и штурмана, седлаем мы свою «пешку»... Точнее сказать, Пе-2, самолет для дальней разведки. Вылетаем.

– Добрались без происшествий? – уточнил полковник Грошев.

– Можно сказать и так, – кивнул Тузовский. – Коль живыми и целыми, то, значит, без происшествий. Подлетаем к цели, к этим самым Астаповичам. А видимость – рыдать хочется! Сплошная мгла, серость, туман... Весна, понятное дело. У штурмана в руках фотоаппарат, да разве с такой высоты что-нибудь сфотографируешь? Штурман кричит мне: спускайся ниже! Да я и сам понимаю, что надо ниже... Ладно, спускаюсь. А только толку от того никакого. Ничего не видно! Еще ниже, кричит штурман. Ладно, ниже так ниже. Летим, едва не задевая крыши тех Астаповичей. Туда-обратно, туда-обратно... Город-то небольшой. Как говорится, не разгонишься. Штурман то и дело щелкает фотоаппаратом, а мы со вторым пилотом выглядываемся в эту окаянную муть.

– И что же вы увидели? – спросил полковник Грошев.

– Увидели... – Тузовский покрутил головой. – В четыре глаза – отчего бы и не увидеть? Тем более что летали мы низехонько. По крышам, можно сказать, ходили. Есть там лагерь, точно вам говорю. На западной окраине города. Народу там много. Стоят, сидят, лежат прямо на земле, несмотря на то что ранняя весна... Зачем бы они там лежали, если это не лагерь?

– А что, никаких строений вы не видели? – уточнил Захаров.

– Видели и строения, – ответил Тузовский. – Какие-то длинные здания вроде бараков. Или, может, заводские цеха. Но отчего-то люди сидели и лежали на голой земле... Не знаю почему. Лагерь это, точно вам говорю. Иначе для чего там такое количество людей? Да вы спросите у моего второго пилота и штурмана!

– Уже спрашивали, – сказал полковник Грошев.

– И что же?

– Они говорят то же самое.

– Ну, вот видите. – Тузовский помолчал и спросил: – А что же фотографии? Получилось что-нибудь?

– Кое-что можно разглядеть и на фотографиях, – ответил Грошев. – Не слишком подробно, но можно.

– И что же на них? – спросил Тузовский.

– То же самое, что вы рассказываете, – скупое ответил полковник.

– Ну, вот видите, – выдохнул Тузовский. – Лагерь это.

– Рассказывайте дальше, – велел полковник.

– А что дальше? – развел руками летчик. – Дальше по нам начали стрелять. Ну а как не стрелять, если мы туда-сюда, туда-сюда... Пришлось уходить. Стрельнули они пару раз по нам вдогонку, да на этом и все. Не попали... И погони тоже не было. С тем и вернулись. Аккурат успели к сумеркам.

Наступило короткое молчание. Каждый думал о своем: и полковник Грошев, и майор Захаров, и летчик Тузовский. О своем и одновременно об одном и том же. Они думали о концлагере в далеком отсюда городишке Астаповичи. И о людях, которые томятся в лагере. Сейчас не важно было, кто именно эти люди: военнопленные, партизаны, совсем невинные гражданские лица. Все это были советские люди. И они сейчас находились в беде. Вот о чем, всяк по-своему, размышляли и полковник Грошев, и майор Захаров, и летчик Тузовский.

– Лагерь это, – в который уже раз повторил Тузовский. – Концлагерь...

– Хорошо, ступайте, – сказал полковник летчику. – Благодарю за службу.

Тузовский хотел ответить по-военному, но почему-то не ответил, лишь скривился, махнул рукой и пошел к выходу.

– Итак, что мы имеем? – спросил полковник Грошев, когда за летчиком закрылась дверь. – А имеем мы вот что. Весна, сорок третий год. Белоруссия. Городок Астаповичи. Оно вроде бы не так и далеко, а только топать нам еще до того городка и топать. И это плохо, потому что в тех Астаповичах – фашистский концлагерь.

– А в том концлагере люди, – продолжил майор Захаров, – которым надо как-то помочь. Иначе... – Майор не договорил и вздохнул: – И сомнений, что там есть лагерь – никаких.

– Какие уж тут сомнения. – Полковник Грошев поморщился, будто у него внезапно разболелся зуб. – И партизаны говорят об этом, и подпольщики, и наша разведка. Концлагерь... Вроде бы располагается на территории бывшего завода. До войны там выпускали всякие сеялки-веялки. В общем, мирные машины сельскохозяйственного назначения. А теперь... – Полковник опять поморщился.

– Помочь надо людям, – сказал Захаров. – Спасти. Да вот только как? Что говорят местные партизаны?

– Силенок у них маловато, – ответил полковник. – Не возьмут они лагерь приступом, тут и говорить не о чем. Только людей зря положат. И армейский десант туда не высадишь. На

каждый концлагерь десанта не напасешься. И бомбить нельзя... Все-таки там наши люди. Да и побивают к чертовой матери наши бомбардировщики, пока они туда доберутся.

– Ну, так разведчики на самолете добрались, – возразил Захаров. – И благополучно вернулись.

– Так то – разведка, – в свою очередь, возразил Грошев. – Один единственный самолет. А тут целая армада. Да и повезло нашим разведчикам, что и говорить. Ведь и их могли запросто сбить.

– Да уж, – вздохнул Захаров, помолчал и спросил: – Ну и что будем делать? Начальство нас ждет с конкретными предложениями.

В ответ полковник лишь пожал плечами. Он размышлял. Размышлял он довольно-таки долго, а затем с улыбкой взглянул на Захарова.

– Коль полковник Грошев улыбается, – сказал Захаров, – значит, он придумал что-то стоящее. Верная примета! Народ так и говорит...

– Что, и вправду говорит? – не поверил полковник.

– А то! Самому приходилось слышать. И притом неоднократно. Ну, так порадуйте меня гениальными откровениями!

– Да какие там гениальные откровения! – отмахнулся Грошев. – Так, мыслишка... С недавних пор образовалась у нас одна дюже интересная служба. Называется – Смерш. Вроде как «смерть шпионам». Слышал о такой?

– Краем уха, – кивнул Захаров. – Хотя кто они и где находятся – того я не ведаю. Поговаривают, службу учредили совсем недавно.

– Да, – кивнул Грошев. – Что-то около месяца назад. Ну а кто они и где находятся – это мы выясним. Мы же с тобой разведка, не так ли?

– Так-то оно так, – не слишком уверенно согласился Захаров. – Да вот только... Они же вроде, этот самый Смерш, если судить по их названию, должны ловить всяких шпионов. А тут концлагерь. Пленные...

– А в концлагере, по слухам, имеется школа диверсантов, – сказал Грошев. – Во всяком случае, так нам сообщили тамошние партизаны. Да и подпольщики тоже...

– Впервые о такой слышу! – удивленно произнес Захаров.

– А вот я – слышал о том из нескольких источников, – назидательно произнес полковник. – И скорее всего, так оно и есть. Школа диверсантов... И вот скажи ты мне, какая такая принципиальная разница между шпионами и диверсантами? Не вижу особой разницы.

– Школа диверсантов, – продолжал удивляться Захаров. – Надо же... И кто же они, эти диверсанты? Где их немцы находят?

– В лагере и находят, – ответил Грошев. – Где же еще? Из числа тех же узников. Или может, ты думаешь, что не найдутся желающие?

– Нет, не думаю, – вздохнул Захаров. – Отыщутся...

– Вот то-то и оно, – сказал полковник. – Отыщутся... И в скором будущем появятся в наших тылах. Думаю, для того Смерш и создан, чтобы их обезвреживать. Вот мы и подкинем им работенку.

– Значит, так начальству мы и скажем? – в раздумье произнес Захаров.

– Так и скажем, – подтвердил полковник Грошев. – Мы – свое дело сделали. Установили, что в белорусском городке Астаповичи есть концлагерь и при нем – диверсионная школа. А все прочее – дело не наше. А, допустим, того же Смерша. – Полковник помолчал и усмехнулся: – Хм, Смерш... Интересно знать, что там за люди, в том Смерше? Что знают, что умеют, чем располагают?..

Глава 2

В тот день у смершевцев были занятия по стрельбе. Хотя что значит занятия по стрельбе? Стрелять умел каждый смершевец. В Смерше новичков не было, народ здесь был обученный, опытный и обстрелянный. У каждого смершевца была за плечами война, почти два полных года самой страшной войны, страшнее которой человечество еще не знало. Все они не раз сталкивались со смертью, ощущали на себе ее дыхание и прикосновение – и остались в живых. А разве можно было остаться в живых на войне, если не умеешь стрелять?

Но приказ есть приказ. Велено было заниматься огневой подготовкой, смершевцы ею и занимались. И старались делать это с выдумкой. Например, стреляли по целям сразу с обеих рук. В одной руке пистолет, и в другой тоже – и пли! Стрелять из двух пистолетов сразу – намного труднее, чем из одного. Это подтвердит любой, кто хотя бы единожды держал в руках оружие.

Или – стрельба на звук с завязанными глазами. Это упражнение еще сложнее, чем стрельба с обеих рук. Там ты хоть видишь, куда стреляешь. А здесь – не видишь. Здесь у тебя завязаны глаза, а в руке – пистолет. Мишенью же служит пустая банка из-под тушенки, к которой привязана длинная веревка. Один боец тащит эту банку по земле за веревку, банка, понятное дело, гремит и дребезжит, а стрелок с завязанными глазами старается в эту банку попасть, ориентируясь исключительно на звук. Сложная задача, но вместе с тем почетная, потому что попробуй-ка попади в ту банку!

Конечно, смершевцы не знали, пригодится ли когда-нибудь им такое умение. Но уметь стрелять на войне из любого положения и в любой ситуации – дело не лишнее. Авось да пригодится. Война, если разобраться, соткана из неожиданностей. Порой может возникнуть такая ситуация, что ни в каких учебниках, даже самых мудрых, о том не говорится ни слова. И тут уж надо полагаться только на себя и на свое умение стрелять.

По сути, это касалось любого бойца, а тем более смершевцев. Потому что Смерш – это... Впрочем, покамест смершевцы и сами еще толком не знали, что такое Смерш. Подразделение с таким громким названием было создано совсем недавно, буквально месяц назад, а за такое время поди разберись, что оно такое – Смерш. Но тем не менее все новоявленные бойцы Смерша подспудно понимали, что это дело нешуточное. Возможно даже, что оно гораздо труднее, чем отражение вражеской атаки на фронте. Там-то все понятно. Вот – ты и твои боевые товарищи, а там – враг. А тут, служа в Смерше, еще и не знаешь, кто тебе враг? Тут его еще надо заметить. Разоблачить. Доказать, что он враг. И – не ошибиться. Мудреное дело, что и говорить.

Впрочем, все это была теория, а вот практики покамест не было никакой. Какая могла быть практика, когда подразделению с грозным названием Смерш едва-едва исполнился месяц? К практике бойцам Смерша еще предстояло прикоснуться. Впрочем, теперь они и бойцами-то не именовались, теперь они были оперуполномоченными. Все было вновь – и название подразделения, и наименование должностей. Да, и это была война, но, похоже было, какая-то другая война, война с другим лицом, с другими правилами и законами, которые смершевцам предстояло вы зубрить в кратчайшие сроки, потому что как же ты будешь воевать, если не знаешь и не понимаешь правил, по которым необходимо сражаться с врагом? А без знания правил на войне нельзя. Все в этой жизни делается по правилам, хочешь того или не хочешь. А уж воевать тем более нужно по правилам. Сгинешь бесславно и бессмысленно, если не будешь знать правил, по которым ведется война.

В числе прочих смершевцев в стрельбе упражнялись майор Петр Стариков и капитан Евдоким Лысухин. Оба из кадровых военных, оба опытные бойцы, оба разведчики. Только того

и разницы, что Старикова направили в Смерш сразу после выписки из госпиталя, а Лысухина – выдернули прямо с передовой.

Что касается Старикова, то к своему новому назначению он отнесся с полным спокойствием и пониманием. В конце концов, обычное дело – новое назначение после госпиталя. Повоевал почти два года в армейской разведке, теперь будет воевать в Смерше. Хотя оно и непонятно пока, что это такое – Смерш, но – именно пока. Там – разберемся. Тем более что никто Старикова особо и не спрашивал, где он желает дальше воевать. Новое назначение было приказом, а приказы, как известно, не обсуждают. Да и не таким человеком был майор Петр Стариков, чтобы протестовать, возмущаться или каким-то другим способом выражать свои эмоции. Что касалось эмоций, то их Стариков всегда держал в узде – даже в самых отчаянных случаях. Он был человеком спокойным, уравновешенным, немногословным и поэтому надежным и понятным для других.

А потому, услышав о своем новом назначении, он бесстрастно произнес: «Есть!» – и лишь поинтересовался, где именно находится его новое место службы. И получив ответ, молча удалился, чем ввел в некоторую оторопь полковника, дававшего ему распоряжение о новом назначении. «Вот ведь не человек, а непрошибаемый идол! – сам себе сказал полковник, почесав затылок. – Даже не поинтересовался, а что же оно такое, этот Смерш? Хотя, признаться, я и сам толком не знаю, что же оно такое. Мне лишь было велено подбирать для этой службы толковых людей. Ну, я и подбираю. Вот подобрал этого майора. А то, что он идол, так это даже хорошо. Такие люди надежные».

Другое дело Евдоким Лысухин. Он, можно сказать, был полной противоположностью Петру Старикову. Резкий, импульсивный, зачастую похожий в своей импульсивности даже не на человека, а на какого-то стремительного зверя, – таков был Евдоким Лысухин. Случалось, что такая импульсивность и стремительность ему изрядно мешала, из-за них Лысухин совершал порой необдуманные и в определенной мере опасные поступки. Иначе говоря, там, где надо бы было поразмыслить, Евдоким Лысухин зачастую предпочитал действовать без всяких предварительных раздумий.

В каких-то случаях это было и хорошо, это было как раз то, что надо, но ведь бывали и другие случаи, когда без предварительных размышлений – ну просто-таки никак нельзя. Но предварительные размышления – это было не для Лысухина. Нет, думать, конечно, он умел, но большей частью уже потом. И даже винить себя мог за какие-то поспешные, а потому и не слишком разумные действия. Хотя это ничуть ему не мешало в следующий раз опять оголтело бросаться в атаки.

Но вот что удивительно – большая часть таких атак ему вполне удавалась. Никому, и в первую очередь самому Лысухину, при этом непонятно было, по каким таким причинам и законам удача ему не изменяет, а просто – факт оставался фактом. Случалось, что Евдоким Лысухин выбирался целехоньким из таких переделок, в которых кому-то другому и головы-то не сносить.

Отчаянным парнем слыл на фронте капитан Лысухин, а отчаянных – всегда уважают особым уважением и любят особой любовью. Уважали и любили и Лысухина – без этого никак. Впрочем, сам он относился к такому к себе почтению с равнодушием, потому что не ради чьего-то уважения он геройствовал – он просто был таким, каков он есть.

Понятно, что при таком-то характере Евдоким Лысухин принялся отчаянно протестовать, когда ему сообщили о его новом назначении.

– Да вы что! – возмутился он. – Какой такой Смерш? Почему именно я? Я что же – плохо воюю? Не хожу за линию фронта, не добываю ценных сведений? Вот, позавчера приволок «языка» – самого настоящего фашистского гауптмана! Сплавляете меня, как негодное бревно по течению? В тыл отправляете? А вот не желаю!

– Ты, Лысухин, перво-наперво выбирай выражения и соблюдай субординацию! – втолковывало Евдокиму начальство, привыкшее в общем и целом к подобным демаршам Евдокима. – Ты в армии или где? Ты красный командир или кто? Как это так – не желаю? Что значит не желаю? А что такое приказ, ты знаешь? А что бывает за невыполнение приказа в боевых условиях, тебе ведомо? Так что – не буди лихо, пока оно тихо. Приказано тебе отправляться в Смерш, вот и отправляйся.

– А кто же будет за меня ходить в разведку? – упавшим голосом поинтересовался Лысухин.

– Я, – безжалостным тоном ответило начальство. – Вместе с нашим поваром Федченко. Еще вопросы имеются?

– Что хоть это за зверь такой Смерш? – скривился Лысухин.

– Ну, – поразмыслило начальство и сказала: – Это такое новое подразделение. Будешь ловить шпионов и всяких прочих диверсантов и вредителей. Полезное для Родины дело! Тем более – с твоей неумностью. Ты там, я мыслю, их всех в одиночку переловишь, – не удержалось от ехидства начальство.

– Понятно, – мрачно сказал Лысухин. – А ругаться мне можно? Вот прямо здесь, в этом блиндаже, в вашем присутствии?

– Это можно, – милостиво позволило начальство. – Это – сколько тебе угодно. Любыми словами и оборотами.

Ругался Евдоким Лысухин целых восемь минут и при этом ни разу не повторился. Начальство, подперев кулаком подбородок, терпеливо, заинтересованно и понимающе слушало, не перебивая.

– Ну что, выговорился? – спросило наконец начальство. – Это – хорошо. Человек после этого приобретает душевное равновесие. Даже такой сумбурный, как ты. А теперь ступай. Ты же у нас командир роты, не так ли?

– Был до сего момента, – буркнул Лысухин.

– Значит, приступай к сдаче дел новому командиру, который заступит на твое место. И гляди мне – никаких митингов. А то знаю я тебя. Сдашь дела, и отбывай. В общем, желаю тебе успехов на новом боевом посту. Да гляди, не суй там башку куда ни попадя! Помни, что она у тебя одна!

Лысухин хотел отдать честь, но в итоге получилось что-то среднее между отдаванием чести и отчаянным взмахом руки. И он молча вышел из командирского блиндажа.

Без митинга, впрочем, не обошлось. Как только бойцы узнали, что их любимый командир отбывает в какой-то Смерш, они подняли гвалт. Зачем, почему, в какой такой Смерш? Что это начальство удумало? Да и кого туда отсылают – Евдокима Лысухина! А воевать кто будет? За линию фронта кто будет ходить? Кто будет добывать «языков»? Чем это начальство только думает? Если уж так надо, отправили бы в этот Смерш кого-нибудь другого! Например, повара Федченко. С него-то какой толк? Он и кашу-то как следует не умеет варить. Да и разных других кандидатов на поварское место отыщется много. А кем заменишь такого командира и разведчика, как Евдоким Лысухин? А вот мы сейчас всей гурьбой – петицию командованию! Чтобы оно, понимаешь ли, пересмотрело и отменило свое неправильное решение!

– Ша, бродяги! – сказал на это Лысухин. – Вы что, ополоумели? Каши объелись? Какую такую петицию, да еще и всей гурьбой? Вы в армии или в колхозе? Это в колхозе можно всякие такие петиции... А тут – приказ. Приказ – понятно вам это или нет? А знаете, что бывает в армии с теми, кто протестует против приказа? Вот то-то и оно... Так что – прекращайте ваш митинг и будем прощаться. Отбываю я, братцы. Буду ловить шпионов и всяких прочих вредоносных личностей. Вот так-то.

Он помолчал, невесело усмехнулся и добавил:

– Но обещаю, что как только мне представится возможность, я тотчас же постараюсь вернуться к вам. И будем мы воевать с вами до полной победы. А вредоносных личностей пускай ловит кто-нибудь другой. К примеру, повар Федченко.

– И правильно, и возвращайтесь! – зашумела окопная братва. – Чтобы все было по справедливости!

С тем капитан Евдоким Лысухин и отбыл по месту своего нового назначения. И между прочим, это именно он затеял сейчас стрельбу из двух рук и стрельбу с завязанными глазами по пустой консервной банке. А остальные поддержали. Ну а что? Глядишь, и пригодится. Да и интересно...

Глава 3

– Майор Стариков и капитан Лысухин! – возвестил запыхавшийся солдатик, внезапно появившийся на стрельбище. – Вас вызывает командование! Велено, чтобы срочно...

Лысухин как раз в это время выполнял им же придуманную задачу – пытался с завязанными глазами попасть из пистолета в консервную банку. Стариков молча сидел в сторонке и курил. Услышав свою фамилию, Лысухин хмыкнул, снял с глаз повязку и посмотрел на солдатика.

– А ты случаем не ошибся, мой юный друг? – спросил он. – Ничего не перепутал в порыве служебного усердия? Вот прямо-таки капитана Лысухина и требует к себе начальство? Не кого-то, а именно его персонально?

– Так точно! – отрапортовал солдатик. – Капитана Лысухина и майора Старикова! Срочно!

– Ну, коль срочно... – ухмыльнулся Лысухин. – Братцы, а кто из вас майор Стариков? А то все мы здесь – народ друг к другу не притертый, так что извиняйте – не все из вас известны мне по именам и званиям...

Стариков потушил окурок и молча поднялся.

– Ну и лады, коль так, – сказал Лысухин. – Веди нас, юноша, пред грозные очи начальства.

Идти оказалось недолго. Солдатик привел Старикова и Лысухина к какому-то приземистому зданию и тут же исчез. Навстречу майору и капитану вышел другой молодой военный с лейтенантскими знаками отличия.

– Майор Стариков и капитан Лысухин? – спросил он.

– И как только ты догадался об этом с первого раза? – спросил Лысухин у лейтенанта. – Наверно, в школе был отличником. Таблицу умножения наизусть помнишь? А где находится озеро Титикака – знаешь?

– Вас ждут, – изо всех сил стараясь быть серьезным, ответил лейтенант. – Ступайте за мной.

– А кто именно нас ждет? – не унимался Лысухин. – И главное, для каких таких надобностей?

Но лейтенант ничего не ответил, лишь молча указал рукой на какую-то дверь: проходите, дескать, там все и узнаете.

Первым вошел Стариков, за ним – Лысухин. В помещении находились два человека: один – с погонами полковника, другой – в накинутой на плечи маскировочной куртке, так что погоны под ней разглядеть было невозможно. Стариков представился по всей форме, то же самое пришлось сделать и Лысухину.

– Проходите, – сказал тот, кто был с полковничьими погонами. – Я – полковник Корчагин, начальник отдела Смерш армии. А это... – Он кивнул в сторону мужчины в маскировочной одежде и, помедлив, проговорил: – Это, скажем так, специалист по всяческим хитрым делам. Тоже из Смерша. Присаживайтесь, разговор предстоит долгий и серьезный.

Стариков на такие слова не прореагировал никак, Лысухин едва заметно пожал плечами. Прошли, сели.

– Мы – Смерш, – после короткого молчания произнес полковник Корчагин. – Чем мы занимаемся, вы прекрасно знаете. Теоретически. Теперь настало время практических действий. Для того мы вас и пригласили. Да-да, – заметив, что Лысухин вопросительно посмотрел, уточнил полковник Корчагин. – Именно вас двоих – майора Старикова и капитана Лысухина. Вам предстоит выполнить ответственную задачу. Хитрую и опасную задачу – как оно и полагается в Смерше. Других задач у нас не бывает. Для выполнения этой задачи мы выбрали вас. Да-да, именно вас двоих. Почему именно вас – думаю, вы такой вопрос задавать мне не станете.

Полковник Корчагин умолк и взглянул на человека в маскировочной одежде.

– Наша армия, – сказал этот человек, – успешно освобождает страну от захватчиков. Впереди – освобождение Белоруссии. И мы ее обязательно освободим, как и все прочие наши земли. – Он помолчал, взглянул вначале на Старикова, а затем на Лысухина и продолжил: – Итак, Белоруссия. Есть там городок, называется Астаповичи. Может, слышали?

– Нет, – коротко ответил Стариков, а Лысухин лишь пожал плечами.

– Так вот, Астаповичи, – сказал собеседник. – А в тех Астаповичах – фашистский концлагерь. В нем – наши пленные солдаты, а кроме того, плененные партизаны и подпольщики. Есть, наверно, и гражданские лица. Лагерь большой, узников в нем примерно семьсот – восемьсот человек. Из их числа фашисты набирают карателей. Знаете, кто такие каратели?

– Да, – ответил Стариков. – Это те, кто борется против партизан и уничтожает мирное население.

– Правильно, – сказал мужчина. – Но это еще не все. Есть в том лагере еще и диверсионная школа. Знаете, что это такое?

– Приблизительно, – ответил Лысухин.

– Поясню точнее, – сказал мужчина в маскировочной одежде. – В той школе готовят диверсантов. Набирают их из числа узников, как и карателей. Кто-то, я думаю, отказывается, но есть и такие, которые соглашаются. Почему соглашаются – разговор отдельный. Сейчас мы говорим о другом. После окончания этой школы формируются диверсионные группы, которые забрасываются в наш тыл. Для чего – это, думаю, вам понятно.

– Что тут непонятного, – пожал плечами Лысухин. – Все здесь ясно, как ясен летний день на довоенном курорте.

– Вот и замечательно, коль вам все понятно. – Тонкие губы мужчины тронула едва заметная усмешка. – Значит, будем говорить дальше. Ловить диверсантов в нашем тылу – задача непростая. В каком-то смысле проще не допустить их заброску в наш тыл. Предотвратить ее.

Он умолк и вновь взглянул вначале на Старикова, а затем на Лысухина. По всему было заметно, что он ожидает от них вопросов. И точно, вопросы последовали.

– Это как же так предотвратить? – спросил Лысухин. – Мы – здесь, а они – там. Далековато будет. Пожалуй, что не докричишься.

– У меня – тот же самый вопрос, – произнес Стариков.

– Вопрос по существу, – кивнул мужчина в маскировочной одежде. – Правильные вопросы. Вот с этой целью нами и разработана специальная операция. Точнее сказать, основные ее положения. Ну а что касается всяческих тонкостей – то для того мы вас и пригласили. Чтобы, значит, обсудить их вместе. Без вас никак, потому что вы – основные, так сказать, действующие лица в этой операции.

Мужчина вновь замолчал и вновь принялся ожидать вопросов.

– Что мы должны будем делать? – спросил Стариков.

– Ваша задача, как я уже говорил, постараться предотвратить заброску диверсионных групп в наш тыл, – ответил мужчина. – Это если говорить в самых общих чертах. Что же касается частных...

Вероятно, у мужчины была такая манера вести разговор: вначале – сказать несколько многозначительных фраз, а затем – умолкнуть и ожидать реакцию собеседника. Вот и на этот раз он явно умышленно оборвал фразу буквально-таки на полуслове. Он ждал, что скажут его собеседники – майор Стариков и капитан Лысухин. Это был умело построенный разговор, со всеми психологическими нюансами и подходами.

– Отчего-то мне кажется, что эти самые частности – и есть самое главное, – сказал Лысухин.

– Вам правильно кажется, – одобрительно произнес мужчина.

– Тогда мы вас слушаем, – сказал на этот раз Стариков.

– В том-то и проблема, – произнес мужчина, – что частностей пока нет. Есть только самые общие пункты операции.

– Какие же? – спросил Стариков.

– Для начала вам нужно попасть в этот лагерь, – спокойным, даже, кажется, чересчур спокойным тоном произнес мужчина в маскировочной одежде.

– Хм! – проговорил Лысухин. – Это каким же таким удивительным образом?

– В качестве военнопленных, – все тем же нарочито отстраненным тоном произнес мужчина.

– Виноват... – начал было Стариков, но Лысухин его перебил.

– Это каких же таких военнопленных? – В голосе Лысухина ощущалось одновременно и удивление, и возмущение, и негодование, и искреннее непонимание.

– Вам нужно будет сдать в плен и постараться угодить в тот самый лагерь, который находится в Астаповичах. – Голос мужчины по-прежнему был ровен и бесстрастен. – Это один из пунктов нашего плана.

Какое-то время ни Стариков, ни Лысухин не говорили ничего. Оно и понятно – уж слишком неожиданными были слова их собеседника. Первым, конечно же, опомнился Лысухин.

– Вот как – сдать в плен! – ядовитым тоном произнес он. – Мне, капитану Лысухину! Разведчику!

– Сейчас вы – не разведчик, а оперуполномоченный Смерш, – спокойно парировал собеседник в маскировочной одежде.

– А может, сейчас я заодно и не Евдоким Лысухин? – Капитан в порыве чувств даже вскочил с места. – Ну, так поведай мне, кто я теперь такой на самом деле? А заодно поведай и о себе – кто ты таков? И какое ты имеешь право говорить мне такие слова! Да я и без того знаю, кто ты такой! А потому пошел бы ты с такими своими предложениями сам знаешь куда! Или может, тебе все же уточнить подробный маршрут?

Все эти слова хоть и были сказаны в запальчивости и праведном гневе, но, как ни крути, все же являлись прямым, откровенным и неслыханно грубым нарушением субординации. И за это Лысухина должна была ожидать неумолимая строгая кара – стоило лишь мужчине в маскировочной одежде шевельнуть пальцем. Но похоже, он этого делать не собирался. Более того, мужчина одобрительно отнесся к такому выпаду Лысухина. Он переглянулся с полковником Корчагиным, затем щелкнул пальцами и впервые за все время разговора рассмеялся.

– Капитан Лысухин во всей своей красе! – сказал мужчина, обращаясь к полковнику Корчагину. – Что ж, и хорошо. Значит, мы не ошиблись в выборе.

Перестав смеяться, мужчина посмотрел на Лысухина и сказал:

– Если бы вы после таких моих слов повели себя как-то иначе, то на этом наш разговор и закончился бы. Вы нам нужны такой, какой вы есть. Даже не так: такой, какой вы есть, вы нужны Родине. Вот так в данный момент стоит вопрос...

Эти слова оказались для Лысухина настолько неожиданными, что он не нашелся даже, что сказать на них в ответ. Он лишь криво усмехнулся. Неожданными такие слова оказались и для Старикова, и он долгим и внимательным взглядом посмотрел вначале на мужчину в маскировочной одежде, а затем на полковника Корчагина.

– Теперь будем говорить серьезно и обстоятельно, – сказал мужчина в маскировочной одежде. – Вы, конечно, понимаете, что мы не предлагаем вам сдать в плен ради самого, так сказать, плена. Повторяю: ваша сдача в плен – это часть разработанного нами плана. Часть разработанной нами операции, точнее говоря. То есть это та же война, но в других условиях. И условия эти куда как сложнее и опаснее, чем, скажем, война на передовой. Там вы должны будете действовать в одиночку, без чьей-либо поддержки, без товарищеского плеча и в непосредственном соприкосновении с врагом. Рискую при этом быть разоблаченным в любую минуту. Да-да, товарищи офицеры, это – тоже война. Воевать, как вы понимаете, можно по-

разному. Мы Смерш, и у нас свои правила ведения войны. Привыкайте... Вы что-то хотите сказать, товарищ майор? – Мужчина взглянул на Старикова.

– Так точно, – ответил Стариков. – Я хочу знать подробности.

– Да и я – тоже, – поддержал Старикова Лысухин.

– Для того, собственно, мы сюда и прибыли, – кивнул мужчина. – Что ж... Будем говорить о подробностях. И разговор наш будет, я так полагаю, долгим.

– Надеюсь, он все же закончится раньше, чем мы победим фашистов? – не удержавшись, съехидничал Лысухин. – Хотелось бы, знаете ли, поучаствовать в нашей победе не одними лишь разговорами, но и действиями.

– Поучаствуете, – с самым серьезным видом пообещал мужчина. – Итак, разговор наш будет долгим. Во-первых, потому, что операция, которую мы разработали, в своем роде уникальна. Скажу прямо: у нас пока еще нет практического опыта проведения таких операций.

– Это хорошо, – хмыкнул Лысухин. – Смерть как не люблю шагать по расчерченным квадратикам. И всяких правил тоже терпеть не могу – с самого детства. Люблю веселую выдумку – так, чтобы никаких инструкций.

– Именно поэтому мы вас и выбрали, товарищ капитан, – сказал мужчина. – Уж чего-чего, а веселых импровизаций у вас будет много. Можно так сказать, что операция, о которой идет речь, это сплошная импровизация. Повторяю: практического опыта проведения операций такого рода у нас пока нет. Значит, не может быть и каких-то жестких правил. Это во-первых...

– Ну, – самым беспечным тоном произнес Лысухин, – тогда и вовсе все замечательно. Тогда я спокоен и даже могу попросить у вас прощения за свою недавнюю импровизацию в отношении вашей личности. Ну, за то, что едва не послал вас...

Мужчина в маскировочной одежде ничего на это не сказал, лишь махнул рукой. Помолчав, он продолжил:

– Итак, это во-первых. А во-вторых, дело, которое мы вам предлагаем, чрезвычайно опасное. Оно гораздо опаснее, чем, скажем, сходить за линию фронта за «языком». Скажу больше...

Но и тут Лысухин не дал мужчине договорить.

– Вы уже упоминали об этом, – сказал он. – Для чего повторяться?

– А для того чтобы вы накрепко это запомнили, – вмешался в разговор полковник Корчагин. – Сказано вам – дело чрезвычайно сложное и опасное. Почти без шансов на успех. Можно даже сказать и так – мы посылаем вас на верную смерть. И все же при этом вы должны постараться выжить и победить.

– Ну, – беспечно махнул рукой Лысухин, – это что! Что значит – почти без шансов на успех? Вот, скажем, попытка соблазнить передовую колхозную трактористку в тот момент, когда она выступает с трибуны, – тут и в самом деле почти нет шансов. А во всех прочих случаях шансы всегда найдутся!

Слова эти были настолько неожиданны и они до такой степени не вязались с ситуацией, что все невольно рассмеялись. Даже сосредоточенный Стариков.

– Товарищи, давайте наконец о деле! – отсмеявшись, сказал полковник Корчагин.

Глава 4

Операция, которую задумало и в общих чертах разработало руководство Смерша, и впрямь была уникальной. Ничего подобного советские органы разведки еще не проводили. Ничего похожего не проводил и Смерш – уже потому, что и существовал он всего ничего – чуть больше месяца.

Суть операции заключалась в следующем. Двум сотрудникам Смерша – Старикову и Лысухину – предстояло разыграть предельно рискованную постановку – сдать в плен фашистам. Причем не просто сдать, а угодить при этом в концлагерь, расположенный в Астаповичах. А попав в лагерь, начать немедленно действовать без чьей-либо помощи, рискуя при этом в любую минуту оказаться разоблаченными. Ну а коль разоблаченными, то и... Впрочем, о том, что должно было последовать далее, можно было и не говорить, ибо и так все было понятно.

Что именно должны были делать Стариков и Лысухин, оказавшись в концлагере в качестве военнопленных? А вот что: они должны были помочь другим узникам выбраться из лагеря. Спасти их, сделать так, чтобы в дальнейшем они могли оказаться полезными Родине. Но это – по самому большому счету. Если же говорить конкретнее, то Стариков и Лысухин должны сделать так, чтобы ни один каратель не поднял оружие на партизан, а тем более – на мирных советских граждан, которые проживают на оккупированных территориях. И чтобы – ни один диверсант, оказавшись в советском тылу, не причинил никакого вреда людям.

Как это сделать? Вот в этом-то и заключалась основная цель операции. Конкретных рекомендаций на этот счет быть не могло, были лишь общие мысли и предположения. Суть их заключалась в следующем. Все узники концлагеря – хоть бойцы Красной Армии, угодившие в плен, хоть партизаны, хоть подпольщики, хоть кто-то иной – это граждане Советского Союза. И если им предоставить возможность вступить в борьбу с фашистскими захватчиками, они непременно это сделают, даже находясь в концлагере. Вполне вероятно, что не все, ибо, понятное дело, разные люди бывают среди советских граждан. Но большинство – ухватится за такую спасительную соломинку. Быть того не может, чтобы не ухватились.

Как этого добиться? Конечно, организовать в концлагере настоящий боевой отряд – дело практически безнадежное. Для этого нужно будет оружие, а где его взять? Отнять оружие у фашистов – дело сложное. Пойти на врага с голыми руками? Много ли навоюешь голыми руками? Война голыми руками в концлагере – это напрасная и непростительная погибель узников.

Нет, тут нужно будет действовать тоньше. Как именно? А вот как. Когда Стариков и Лысухин попадут в концлагерь, они должны будут во что бы то ни стало убедить фашистов в своей ценности и, как следствие, возможной полезности. Как это сделать? Тут, конечно, нужна тщательно продуманная легенда. Точнее сказать, две легенды – одна для Старикова, а другая для Лысухина. Но легенды – это еще только половина дела. Другая половина дела – нужно постараться убедить фашистов, что легенды эти – подлинны, а сами Стариков и Лысухин – люди, которые могут быть фашистам полезны. Вот тут-то и пригодится та самая импровизация, за которую так ратовал капитан Лысухин. Да-да, именно импровизация, потому что невозможно предвидеть, как именно поведут себя фашисты, а значит, невозможно дать какие-то конкретные советы Старикову и Лысухину. Если удастся убедить фашистов в том, что легенды и намерение с ними сотрудничать настоящие, первую часть задачи можно будет считать выполненной.

А дальше предстоит вторая часть задачи. Дальше Стариков должен во что бы ни стало получить доступ к формированию карательных отрядов. А Лысухин – постараться попасть в школу диверсантов. Или наоборот, это уж как получится. И необходимо развернуть в лагере агитационную деятельность, суть которой должна заключаться в следующем: узники не

должны отказываться от зачисления в карательные отряды и диверсионную школу; наоборот, они должны туда стремиться изо всех сил.

Для чего? А вот для чего. Оказавшись в карательном отряде или диверсионной школе, узники рано или поздно покинут стены концлагеря, чтобы приступить к выполнению определенных задач – карательных акций и всяческих диверсий. При этом и каратели, и диверсанты будут при оружии, и это замечательно! А очутившись за пределами лагеря, ни каратели, ни диверсанты не станут выполнять порученных им задач, а тотчас же сдадутся партизанам или, если случится, красноармейским регулярным частям. А если по каким-то причинам будет невозможно ни то ни другое, то карательное или диверсионное подразделение с легкостью сможет превратиться в самостоятельный партизанский отряд. Вот тут-то и пригодится оружие.

Конечно, все это было красивой и стройной теорией, а вот как оно будет на практике? Там-то, без сомнения, будут самые невероятные сложности, из которых Старикову и Лысухину придется выпутываться все тем же путем импровизации. А иначе – никак.

– А если партизаны или, скажем, наши солдаты не поверят тем карателям или диверсантам? – усомнился Лысухин. – И перестреляют их как куропаток? Между прочим, десять к одному, что не поверят. С какой стати они должны им верить? Проще – перестрелять.

– Надо сделать так, чтобы поверили, – сказал человек в маскировочной одежде.

– Первомайскую песенку им спеть хором, что ли? – иронично спросил Лысухин. – Так ведь все равно не поверят. Песенки могут петь и фашисты. Доводилось мне слышать...

– Пароль, – отозвался молчавший до сей поры Стариков. – Нужен пароль. Такой, чтобы его знали и партизаны, и наши солдаты, и, конечно, диверсанты с карателями. Тогда, я думаю, никто никого не перестреляет.

– Да, пароль, – согласился человек в маскировочной одежде. – Что ж, давайте прямо сейчас его и придумаем.

И мужчина выжидательно взглянул на Лысухина.

– Это нам запросто, – ответил Лысухин. – Сейчас изобразим.

Лысухин откинулся на спинку скамьи, на которой сидел, и стал смотреть на потолок, напевая при этом слова шальной, бесшабашной песенки: «Иволга – птица залетная, иволга – птица любви, ты мне под песенку иволги...» Пел и размышлял он недолго.

– Вот – придумал! – радостно крикнул он. – Привет от иволги – чем не пароль? Помоему, очень даже замечательный пароль. Диверсанты, значит, крикнут этот пароль, а наши бойцы в ответ скажут отзыв. Допустим такой: «Иволги здесь не водятся». И все будет в порядке! Главное – запомнить легко и пароль, и отзыв. Да и к тому же красиво. Привет от иволги, а? От такого пароля веет мирной жизнью и женщиной. В конце концов, за что мы воюем? За мирную жизнь и женщин – разве не так?

На это ни полковник Корчагин, ни мужчина в маскировочной одежде ничего не ответили. Мужчина взглянул на Старикова. Тот перехватил его взгляд и едва заметно кивнул.

– Что ж, пускай будет привет от иволги, – сказал мужчина. – Отзыв тоже сгодится. А заодно это будут и ваши позывные. Значит, Стариков – иволга один, а Лысухин – иволга два. Товарищ капитан, вы не возражаете?

– Ничуть, – отозвался Лысухин. – Но у меня имеется вопрос. Ладно – наши солдаты, но каким таким образом узнают пароль далекие партизаны?

– Ну, это уже наша забота, – ответил мужчина. – Теперь поговорим о ваших легендах. Вот что мы предлагаем...

* * *

Разговор о легендах и обсуждение всех нюансов, связанных с таким тонким делом, занял немало времени и всех изрядно утомил. Когда с легендами было покончено, полковник Корчагин предложил сделать перерыв.

– А и вправду! – согласился Лысухин. – А то у меня от всех этих премудростей просто голова кругом! А ведь еще, чувствую, это не весь разговор. Далеко не весь! Хотя бы потому, что у меня имеется целая куча всяких вопросов...

Выйдя из помещения, Стариков молча отошел в сторонку и закурил. Лысухин подошел к нему.

– К тебе, – сказал Лысухин Старикову, – у меня имеется индивидуальный вопрос. Как ты думаешь, по какой такой причине на это дело выбрали именно нас с тобой? Ведь должна же, я так думаю, быть причина. Этот замаскированный дядька, мыслится мне, дюже умный. А умные люди без причины ничего не делают. Ну так отчего именно мы с тобой?

– Единство и борьба противоположностей, – не сразу ответил Стариков.

– Чего? – не понял Лысухин.

– Разные мы с тобой, вот чего, – пояснил Стариков. – Оттого именно нас и выбрали. Что-то лучше получится у тебя, что-то – у меня. А вместе – готовая картина. А вот если бы мы с тобой были одинаковы, то картина получилась бы неполной. По крайней мере, мне это так представляется.

– Вот оно что, – в задумчивости вымолвил Лысухин. – А ведь и вправду... Ну, я же говорю, что тот замаскированный дядька – человек шибко умный. А я – отправил его в пешую прогулку по маршруту... А с другой-то стороны – как и не отправить, коль тебе предлагают такое свинство. Сдаться добровольно в плен, понимаешь ли!..

Они помолчали. Вечерело. Был май месяц, можно сказать, самый исход весны. Но безрадостной и квелой была весна в сорок третьем году. По крайней мере – в тех краях, которые на штабных оперативных картах значились как подступы к Белоруссии.

– Ты боишься? – спросил Лысухин.

– Чего именно? – глядя куда-то вдаль, уточнил Стариков.

– Ну, того, что нам с тобой предстоит. Как-никак – фашистский плен... Мало ли? Нет, оно, конечно: коль такое дело, то я готов. Правильно говорит тот замаскированный дядька: война – она бывает разной. Но видеть вблизи фашистские рожи... Мало того, кланяться им, подчиняться, заглядывать в их подлые глаза... А ведь придется! Вот чего я опасаюсь! Опасаюсь, что не выдержу и вцеплюсь зубами в какую-нибудь фашистскую глотку. Ты-то сам этого не опасаешься?

– Мне кажется, что на войне следует опасаться только одного – пули, – пожал плечами Стариков. – Потому что пуля невидима. От нее невозможно уклониться. Коль уж она в тебя летит, то и прилетит. А фашистская рожа перед глазами – что ж? На фашиста можно и не смотреть, его можно и перехитрить, и убить... Тут все зависит от тебя самого. А вот пуля... в этом случае все зависит не от тебя, а от нее.

– Будем считать, что ты меня наполовину успокоил, – усмехнулся Лысухин. – Что ж, пойдем совещаться дальше. Вот – полковник уже машет нам рукой.

* * *

Дальше обсуждали, пожалуй, самый сложный момент – каким таким хитрым и ловким способом Старикову и Лысухину сдаться в плен.

– На этот счет у нас имеется вот какое предложение, – сказал мужчина в маскировочной одежде. – Мы переправляем вас в партизанский отряд, действующий неподалеку от Астаповичей. Кто вы на самом деле такие – будет знать лишь командир отряда, и больше никто. Далее все просто. Во время стычки с фашистами вы изыскиваете возможность, чтобы сдать в плен.

– Да уж, просто! – проворчал Лысухин. – Уж так просто, что проще и не бывает! Прямо как на колхозном сеновале с передовой трактористкой после того, как она слезла с трибуны!

– Конечно, всех моментов предвидеть невозможно, – согласился мужчина. – Но – план именно такой. Не думаю, что фашисты захотят отправить вас в какие-нибудь дальние дали. С вашими легендами вам самое место в концлагере в Астаповичах. На то и весь расчет.

– Как мы попадем в партизанский отряд? – спросил Стариков.

– На самолете, – ответил Корчагин. – Он вас и доставит прямо на место.

– Что, прыгать с парашютом? – весело удивился Лысухин. – Всю жизнь мечтал! С самого детства! И вот скоро моя мечта осуществится! Ура. – Последнее слово Лысухин произнес нарочито безрадостным тоном.

– Что, никогда не приходилось прыгать с парашютом? – едва заметно усмехнулся мужчина в маскировочной одежде.

– Это мне-то? – разыграл удивление Лысухин. – С чем только я не прыгал! И с парашютом, и без парашюта... Не о себе я беспокоюсь, а о нем. – Он указал на Старикова. – Он у нас – человек интеллигентный, а интеллигенция с парашютами не прыгает. А сам-то я прыгну за милую душу!

– Никаких прыжков с парашютами не будет, – сказал Корчагин. – Самолет аккуратно приземлится на лесную полянку, высадит вас, заберет раненых и отбудет в обратном направлении. Вот и все.

– Жаль, коль оно и вправду будет так! – поник головой Лысухин. – А то я бы прыгнул...

Полковник на такой пассаж ничего не ответил, лишь пожевал губами: похоже было, он уже отчасти привык к общению с такой сумбурной личностью, как капитан Евдоким Лысухин.

– Хочу уточнить два важных момента, – сказал мужчина в маскировочной одежде. – Момент первый: сдаваться в плен вы будете не в самой первой стычке с фашистами, и даже не во второй и не в третьей. А, скажем, в четвертой или пятой. Иначе – все будет выглядеть подозрительно. Не успели, мол, появиться в отряде, как уже сдались.

– А откуда фашисты смогут узнать, когда именно мы появились в отряде? – не понял Лысухин.

– Скорее всего, узнают, и очень скоро, – вздохнул мужчина в маскировочной одежде. – Найдутся желающие им доложить...

– Понятно, – скривился Лысухин.

– И момент второй. Оказавшись в лагере, напирайте на то, что вы друг друга не знаете. Точнее сказать, познакомились друг с другом лишь перед самой отправкой в отряд. Долгое знакомство также будет выглядеть подозрительно.

– Но и короткое – тоже, – сказал Стариков.

– Не понял, – удивленно посмотрел на него мужчина в маскировочной одежде.

– Ну, как же, – пожал плечами Стариков. – Едва только познакомились – и тотчас же решили сдать. Подозрительно... Совместная сдача в плен – дело тонкое. С малознакомым человеком на пару в плен не сдаются...

– А ведь и вправду. – Мужчина посмотрел на полковника Корчагина. – Вот этого-то мы и не учли. Но как же тогда быть?

– А давайте сделаем так! – после короткого раздумья произнес Лысухин и даже радостно заулыбался – так ему, должно быть, понравилась пришедшая в голову мысль. – Я – сознательно сдаюсь в плен, а его, – он указал на Старикова, – волоку с собой в качестве ценного трофея. Ну, чтобы мне, значит, было больше доверия у фашистов. Оказавшись в плену, я с радостью

соглашаюсь сотрудничать с этими паразитами фашистами. Он же, – Лысухин еще раз указал на Старикова, – вначале сопротивляется и брыкается, но затем также соглашается на сотрудничество. Дескать, раз уж угодил в такую передрагу, то куда деваться, человек живет единожды, ну и все такое прочее. И уж тогда-то, я думаю, у господ фашистов не будет оснований подозревать ни меня, ни его. – И Лысухин в третий раз указал на Старикова. – Как вам такая идея? По-моему – неплохая идея. Может, даже – единственно возможная в такой-то ситуации.

После таких слов воцарилось всеобщее молчание. Идея и впрямь стоила того, чтобы ее как следует обдумать. Тем более что Лысухин стопроцентно был прав в одном – никакой другой идеи ни у кого не имелось.

– Что вы думаете? – Мужчина в маскировочной одежде глянул на Старикова.

– По-моему, подходяще, – ответил Стариков. – Конечно, здесь очень сильно отдает авантюризмом, но ведь и вся наша операция, если разобраться, авантюра. Так что – почему бы и нет?

– Ну, хорошо. – Корчагин в раздумье потер лоб. – Допустим... Но ведь все это пока одна только идея. Никакой конкретности. Надо бы подумать о деталях.

– Да какие уж тут детали? – не согласился мужчина в маскировочной одежде. – Это в театре – сценарий, детали и все такое прочее. А там – не театр, а война, настоящий риск и ничего переиграть нельзя. И предусмотреть тоже ничего нельзя. А потому вся надежда на сообразительность товарища Старикова и товарища Лысухина. Иначе говоря, на импровизацию. Я правильно говорю, товарищ капитан? – Мужчина внимательно взглянул на Лысухина.

– Справимся, – беспечным тоном ответил Лысухин.

Стариков и вовсе ничего не сказал, но по всему было видно, что он согласен с Лысухиным.

– Что ж, – вздохнул Корчагин. – С этой частью задачи все более-менее понятно. Итак, допустим, что все прошло гладко и вы оказались у фашистов в плену. И тогда-то ваша главная задача – убедить фашистов в своей ценности и полезности. Ну, то есть, что вы – не просто сами по себе офицеры Красной Армии, а... – Полковник многозначительно пошевелил пальцами и посмотрел на мужчину в маскировочной одежде.

– Да, – подтвердил мужчина. – Но об этом мы говорили предостаточно, а потому повторяться не будем. Скажу лишь, что и здесь очень многое зависит от вашей выдержки, вашего мужества и...

– Импровизации, – улыбнулся Лысухин.

– И от нее тоже. – Мужчина в маскировочной одежде скупно улыбнулся в ответ. – Ну а попав в плен, вам изо всех сил нужно постараться угодить в лагерь в Астаповичах. И там – начать действовать. Как именно действовать? Как получится. Подбирать единомышленников. Убеждать карателей, чтобы они, как только окажутся вне лагеря, тотчас же начинали искать встречи с партизанами. Или, если по каким-то причинам это будет невозможно, сами становились партизанами. Это что касается именно карателей. А вот диверсанты, которые окажутся в нашем тылу, должны тотчас же изыскать возможность сдаться нашим воинским частям, либо милиции, либо НКВД.

– Побоятся, должно быть... – покрутил головой Лысухин. – Немцы – они ведь тоже не дураки. Думаю, что прежде чем сделать из пленных солдатиков карателей или диверсантов, они настолько задурят им головы, что... – Лысухин махнул рукой. – Скажут: теперь вам возврата нет, теперь вас никто не простит, а коль попадетесь, то сразу к стенке. Ну, или что-то в этом роде. Боюсь, что поверит народишко... А коль поверит, то и сдаваться не пожелает.

– Кто-то, может, и поверит, – возразил мужчина в маскировочной одежде, – а другие – поверят вам.

– Тут многое будет зависеть от того, какими словами и оборотами вы их будете агитировать, – дополнил полковник Корчагин. – Немцы, конечно, будут агитировать, но и вы – тоже. Тут уж кто кого переагитирует.

– Ну, тогда всё в порядке! – Лысухин улыбнулся озорной улыбкой. – Уж в чем в чем, а в плане агитации мне просто-таки нет равных! Помню, до войны наша боевая часть шефствовала над одним колхозом. И трудилась в том колхозе одна передовая трактористка... Уж как я ее агитировал – куда там карателям и диверсантам! И, представьте себе, сагитировал.

– Товарищ Лысухин, – сдерживая улыбку, сказал Корчагин. – Дело, о котором мы сейчас говорим, серьезное. Поэтому хотелось бы, чтобы и мы все так же были серьезными.

– А я сейчас такой серьезный, что дальше некуда, – ответил Лысухин. – Это просто у меня такое представление о серьезности. Так, значит, я ее выражаю, свою серьезность.

– Как долго мы должны быть в том лагере? – спросил Стариков. – И каким способом мы сможем из него выбраться?

– В идеале – до той поры, пока Красная Армия не освободит Белоруссию. Хотя, конечно, сейчас никто из нас не знает, когда произойдет этот долгожданный момент. Ну а по сути – как получится. Сами понимаете: чем дольше вы будете оставаться в лагере, тем больше людей будет спасено. И наших пленных, и гражданских.

– Что касается того, как вам, в случае чего, покинуть лагерь, – продолжил мужчина в маскировочной одежде. – Скажу честно – не знаю. Всего предвидеть невозможно. Никто сейчас не может сказать, как там у вас все сложится. А потому – все оставляем на ваше усмотрение. Иными словами, действуйте в зависимости от обстоятельств.

– Понятно, – обронил Стариков.

– Все это очень похоже на смертельный риск. – Лысухин опять улыбнулся, и его улыбка была все такой же беспечной и по-детски искренней, будто он говорил сейчас не о собственной смерти, а совсем о другом – например, все о той же мифической передовой трактористке из подшефного колхоза. – Что-то вроде того, как кинуться под вражеский танк с гранатой. Доводилось мне однажды видеть. Очень, знаете ли, впечатлительно...

– Это приказ! – жестким тоном произнес полковник Корчагин.

– Понятно, что не любовное предложение, – дурашливым тоном ответил Лысухин. – Разрешите приступить к выполнению?

Ни Корчагин, ни мужчина в маскировочной одежде ничего не ответили. Оба они прекрасно понимали, что сейчас творится в душах и Старикова, и Лысухина. В самом деле – им предстояло отправиться на задание, вернуться с которого живым было почти невыносимо. Это действительно было примерно то же самое, что броситься под вражеский танк с гранатой. Или сунуть голову в пасть какого-нибудь невыносимого, кровожадного дракона. Но на то и война. Да-да, она и есть тот самый невыносимый, кровожадный дракон.

– Через два дня вы должны быть готовы, – сказал полковник Корчагин. – На самолете вас доставят в партизанский отряд. Доберетесь – тотчас же сообщите об этом по радиации. Ваш позывной – «иволга». Открытым текстом ничего не говорить. Скажете: «Иволга прилетела в гнездо». Мы пойдем... Выходить на связь – раз в два дня. Если что-то срочное и непредвиденное – то по мере надобности. Все говорить иносказательно. Мы разберемся... Каждое сообщение начинать словами... ну, скажем, такими: «Иволга поет». А дальше – о сути. Все понятно?

– Так точно, – почти в один голос ответили Стариков и Лысухин.

– Вы – боевая группа, – сказал Корчагин. – В каждой боевой группе должен быть старший. Старшим назначаю майора Старикова... Да, и еще, о нашей встрече и вашем задании – никому ни слова. Ни устно, ни письменно, ни даже полупрошеком.

– Ну, на этом все, – сказал мужчина в маскировочной одежде и поднялся. – Готовьтесь. Переправлять на место вас будем не мы, а другие товарищи. Всего вам доброго и всяких успехов. Надеюсь, что когда-нибудь мы еще встретимся.

– Помнится, точно такие же слова сказала мне передовая трактористка после того, как я ее успешно сагитировал. – Лысухин улыбнулся своей обычной улыбкой – искренней, дурашливой и в то же время чуть-чуть хитровой. – Именно такие – точь-в-точь!

– И что же – встретились? – спросил мужчина в маскировочной одежде.

– Не успели, – вздохнул Лысухин. – Потому что невпопад случилась война. А война – это сплошные расставания. Встречи будут после победы. Так что – встретимся, когда победим. И с передовой трактористкой, и с вами тоже.

...День близился к исходу, красное, совсем даже не весеннее солнце барахталось в темно-синих облаках, сгрудившихся на западной части неба. Воздух, пронизанный холодком, казался созданным из какого-то невиданного тончайшего хрусталя.

– Заморозками пахнет, – сказал Стариков. – И снегом.

– Да-да, – рассеянно согласился Лысухин. – Заморозками и снегом... А нас ждут веселые приключения. Уж такие веселые, что и не описать.

Стариков ничего на это не ответил, лишь искоса взглянул на Лысухина.

– А ты на меня не косись, – скривился Лысухин. – Ты лучше косись на самого себя. А я что ж? Я готов. Просто я сейчас в задумчивости. Размышляю.

– И о чем же, если не секрет? – спросил Стариков.

– Не секрет, – ответил Лысухин. – Но вот сказать не смогу. Потому что это лирические размышления. А разве их выразишь словами? Да и когда на такие темы размышлять, если не сейчас? Дальше, думаю, будет не до лирики.

Глава 5

Через два дня Старикова и Лысухина на самолете перебросили в партизанский отряд, который располагался в глухом лесном урочище и был с трех сторон окружен болотами. Казалось бы, болота – это сплошное неудобство и даже, если вдуматься, гибель для отряда. Если, предположим, с той стороны, где болот не было, к расположению отряда подберутся каратели, то, спрашивается, куда было деваться партизанам?

Но так мог рассуждать человек незнающий. То есть такой человек, который не был уроженцем здешних мест и никогда не жил в здешних краях. Для местных обитателей болота были сушим спасением. Ведь оно только на первый и неосмысленный взгляд представляется, что любое болото – это безвозвратная гибель. На самом же деле это совсем не так. Если в болоте знать потайные тропинки, знать ходы-выходы (а они – есть), то болото может оказаться и спасительным. Подступили каратели к расположению отряда – отряд тотчас же собрался и ушел по тем самым потайным тропинкам и ходам-выходам вглубь болот. Вот и спасение. А погоня, понятное дело, туда не сунется, а если и сунется, то себе на гибель. Каратели – они ведь не здешние и ничего о болотах не знают.

Теоретически рассуждая, тем же карателям можно было нанять знающего проводника из местных. Но попробуй-ка его для начала найти, такого проводника! Любой житель из окрестностей тотчас же станет уверять, что ничего он о болотах не знает, никакие ходы-выходы ему неизвестны, а коль так, то и сам он пропадет в тех ужасных трясины, и всех карателей те самые трясины также поглотят. А потому лучше в те болота и вовсе не соваться.

Конечно, изредка находилась какая-нибудь продажная душа, которая либо из корысти, либо по злобности, либо из-за страха соглашалась сопроводить карателей через те болота. Но опять же, толку от того было мало. Потому что – мало было иметь при себе знающего проводника, надо было еще и самим понимать и чувствовать болото. А такого понимания у карателей как раз и не было. Все они были или фашистами, или их прислужниками-полицаями и карателями из числа подлых людишек. А потому, едва сунувшись в болото, они с проклятиями отступали. А партизаны, переживая лихое время, возвращались из болот, чтобы продолжить борьбу.

Вот в такой отряд и вылетели на самолете Стариков и Лысухин. Летели ночью – другой возможности беспрепятственно добраться до места просто не было. В самолете помимо двух пилотов находились Стариков с Лысухиным, и больше никого. Чтобы скоротать томительное время полета или просто по причине своего неумного характера, Лысухин тотчас же вступил с пилотами в диалог.

– И как это так вы летаете ночью? – тараторил он. – А вдруг вы летите не в ту сторону, а заодно и мы с вами?

– В ту, – коротко отвечали пилоты, напряженно вглядываясь в приборы и во тьму за стеклами кабины. – Можете не сомневаться.

– В ту – это хорошо, – соглашался Лысухин. – Ну а вдруг вы не заметите во тьме какое-нибудь препятствие и врежетесь в него? И что тогда делать?

– Какие препятствия могут быть в воздухе? – возражали пилоты. – Разве что какой-нибудь Змей Горыныч... Это тебе воздушное пространство, а не деревенская околица!

– А как мы пойдем, что добрались до места? – не унимался Лысухин. – А вдруг да заблудимся? Вдруг угодим в какое-нибудь болото!

– Авось не заблудимся! – скалились пилоты. – Не впервой! Да ты не суетись, все будет в норме! По всему видать, что ты летишь в первый раз!

– Это я-то лечу в первый раз? – оскорбленным тоном возражал Лысухин. – Да если хотите знать, у меня – двенадцать прыжков с парашютом! Даже – четырнадцать!

– И столько же – без парашюта! – уже в открытую хохотали пилоты.

Лысухин, выговорившись и тем самым приведя в лад свою нервную систему, успокоился. Какое-то время летели молча, а затем один из пилотов сказал:

– Подлетаем к месту! Снижаемся. Так что будьте готовы!

Стариков и Лысухин прильнули к иллюминаторам. Вначале они ничего не увидели в кромешной тьме, но затем Лысухин разглядел внизу четыре небольших огонька. Они были расположены квадратом.

– Видал? – обернулся Лысухин к Старикову.

– Это сигнальные костры, – сказал Стариков. – Аккурат между ними самолет и должен приземлиться. Обычное дело для ночных полетов.

– Что, приходилось сталкиваться? – поинтересовался Лысухин.

– Приходилось...

Самолет снижался. Четыре огня, расположенные внизу квадратом, становились все больше. Вскоре стало понятно, что это и впрямь были костры – сигнальные огни для самолета. Вскоре самолет затрясло, снаружи замелькали какие-то продолговатые силуэты и тени – кажется, это были деревья, обступившие поляну, на которую приземлился самолет. Мотор самолета натужно взревел, что-то внутри самолета чихнуло, заскрежетало, и наступила тишина.

– Прилетели! – сказал один из пилотов, выглянув из кабины. – Так что – выгружайся!

Первым из самолета вышел Стариков, за ним – Лысухин. Огляделись. Сигнальных костров уже не было, вокруг их остатков суетились люди. Должно быть, они тушили костры.

Вслед за Стариковым и Лысухиным из самолета вышли и пилоты.

– А вот и хозяева! – сказал один из пилотов.

К ним приближались несколько смутных силуэтов людей. Когда они приблизились, стало понятно, что в группе три человека.

– Привет героям-партизанам! – откликнулся кто-то из летчиков. – Вот встречайте гостей.

– Летунам наше почтение! – отозвался хриплым голосом один из подошедших.

После этого в руках у одного из них вспыхнул фонарик и осветил лица Старикова и Лысухина.

– Красиво живете! – сказал Лысухин. – В достатке. Вот даже фонарик у вас имеется.

– Трофейный, – ответил тот же самый голос. – А вы, значит, и есть те самые иволги?

– Они самые и есть, – ответил Стариков.

Фонарик погас, да в нем уже не было и надобности. Глаза людей постепенно привыкали к темноте, и стали видны самые крупные и общие детали.

– Я – командир отряда, – сказал обладатель хриплого голоса. – Зовут меня Федос. Так, значит, меня и называйте.

– Я – Иволга один, – представился и Стариков.

– Ну а я – Иволга два, – отрекомендовался Лысухин.

– Ступайте за мной, – сказал Федос обеим Иволгам.

– Один момент! – отозвался Лысухин и повернулся к пилотам. – Что ж, прощайте покамест, летуны! Доставили нас как на блюдечке! Одно только не пойму – как это вам удалось?

– Лети, канарейка! – со смехом произнес один из пилотов.

– Сам ты канарейка! – ответил Лысухин. – Сказано тебе – мы иволги! Понимать надо!

– Ну и какая разница? – ответил из темноты пилот. – И та птаха, и эта тоже птаха.

– И как только тебя, такого непонятливого, взяли в пилоты? – горестно сказал Лысухин. – Ну, как бы там ни было, а покудова прощайте. Смотрите, не заблудитесь на обратном пути. И не расшибитесь при посадке!

Глава 6

Подсвечивая фонариком, Федос привел Старикова и Лысухина в какое-то помещение – по всему видать, землянку. Помещение было довольно-таки тесным – это угадывалось даже в темноте.

– Это – наш штаб, – пояснил Федос. – Сейчас здесь никого нет, так что можем поговорить без лишних ушей. Меня предупредили, чтобы без свидетелей... Вот сейчас я зажгу огонь и поговорим.

Вскоре в землянке вспыхнул неяркий огонь – Федос зажег самодельный факел, воткнутый в стену между двумя бревнами. Стариков и Лысухин осмотрелись.

– Шикарно устроились! – одобрил Лысухин. – Основательно! К примеру, у нас на фронте не было ничего подобного! Обитали во всяких норах...

– Здесь тоже фронт, – спокойно возразил Федос.

– Да, конечно, – согласился Лысухин. – Война – она бывает разная...

– Давайте к делу, – сказал Стариков. – Кто мы такие и с какой целью прибыли – об этом вам сообщили.

– Точно так, – подтвердил командир отряда.

– Вот и отлично, – сказал Стариков. – Ну а для всех прочих мы посланцы командования Красной Армии. Он, – указал Стариков на Лысухина, – специалист по взрывному делу. Прибыл, чтобы подучить вас правильно обращаться с минами и взрывчаткой. Я – специалист по агентурному делу. Прибыл, чтобы помочь вам наладить агентурную работу во вражеском тылу. Так всем нас и рекомендуйте. Причем как можно чаще и громче, чтобы все знали...

– Понятно, – кивнул командир отряда.

Все, что Стариков сказал сейчас Федосу, было частью той самой легенды, которую несколькими днями назад сообща придумали Стариков, Лысухин, полковник Корчагин и мужчина в маскировочной одежде. Именно так – только часть. Остальные части легенды ждали своего часа.

– Если у вас есть вопросы, – сказал Стариков Федосу, – то спрашивайте.

– Есть у меня вопросы, – откашлялся командир отряда. – Как не быть... Точнее буду говорить – вопрос один. Когда вы намереваетесь... ну, на ту сторону? И какая вам от меня понадобится помощь?

– Слишком торопиться мы не будем, – ответил Стариков. – Иначе это будет выглядеть подозрительно. Вот, мол, только прибыли в отряд и сразу же оказались в плену... Но и затягивать с этим делом нам тоже несподручно. Надо выполнять задание – сами понимаете.

– Да-да, понимаю, – сказал Федос.

– А потому поступим так, – продолжил Стариков. – Поживем недельку у вас, обозначим, так сказать, свое присутствие. Он, – Стариков указал на Лысухина, – поучит партизан взрывному делу, я – поучу всяким агентурным премудростям. Заодно...

Стариков вдруг умолк и резко переменял тему разговора.

– Скажите, – спросил он у Федоса, – как вообще у вас обстоят дела с агентурой?

– Ну, – не сразу ответил командир отряда, – есть у нас, конечно, помощники. Без этого как же? На хуторах, в Астаповичах... А что такое?

– А вот, скажем, в отряде имеется ли фашистский осведомитель? – спросил Стариков.

Должно быть, вопрос для Федоса показался настолько неожиданным, что он даже закашлялся.

– Да как вам сказать... – не сразу ответил он. – Если бы, допустим, мы знали, кто он такой на самом деле, то, конечно, его давно бы уже в отряде не было. А так... Имеется у нас подозрение на одного человечка, но ведь подозрение – это не доказательство. Этак и напрас-

лину возвести на человека недолго. Не хотелось бы... А вот как доказать, что тот человечек и в самом деле есть фашистский прихвостень, того мы пока не знаем. За руку пока никто его не поймал. Он, должно быть, хитрый, этот человек. Скользкий, как вьюн. Ни за хвост его не ухватишь, ни за жабры.

– Угу... – задумчиво произнес Стариков. – Ни за хвост его не ухватишь, ни за жабры... А вы вот что. Вы его пока и не хватайте: ни за хвост, ни за жабры, ни за прочие части тела.

– Это как же так? – оторопел командир партизанского отряда. – Это почему? Ведь чем больше он будет вокруг нас виться, тем больше вреда принесет! Одно дело – если у фашистов нет в отряде своих глаз и ушей, и совсем другое дело, если они есть!

– Ну, так вы же сами говорите, что не можете его ухватить, – возразил командиру Лысухин. – Вот пока и не пытайтесь. Пускай он покамест чувствует себя в безопасности. Тут такое дело... Если он будет чувствовать себя в безопасности, то обязательно попытается с нами сблизиться. Со мной и с ним, – уточнил Стариков и указал на Лысухина. – Быть того не может, чтобы не попытался! Мы – люди в отряде новые, по легенде – прибыли издалека, из-за линии фронта, мы – специалисты-инструктора... А значит, личности для фашистов очень даже интересные. Вот они и приставят к нам своего человека, если, конечно, таковой в отряде и впрямь имеется. А коль приставят, то тут-то мы его и вычислим. Определим, кто он есть на самом деле, этот человек. Подсобим, так сказать, в разоблачении его двуличной сути. Я правильно понял и развил твою мысль? – глянул Лысухин на Старикова.

– В целом – да, – кивнул Стариков.

– Что ж, – поразмыслив, сказал Федос. – Можно, конечно, и так... Отчего бы не попробовать?

– Ты, главное, нам скажи, кто он, этот сомнительный человек, – сказал Лысухин, обращаясь к Федосу. – Чтобы мы случайно не перепутали его с кем-нибудь другим. С каким-нибудь, понимаешь ли, безобидным любопытствующим субъектом.

– Есть тут у нас такой, – нехотя произнес Федос. – Воробей у него прозвище.

– Ты глянь, что делается! – присвистнул Лысухин. – Воробей! Ох, неладно что-то в нашем птичьем царстве! Ну, Воробей так Воробей. Поглядим, что это за птаха. Я правильно мыслю? – Лысухин опять глянул на Старикова.

Стариков на это ничего не ответил, лишь кивнул.

– Да, вот что еще... – Командир отряда почесал затылок. – Условия у нас – стесненные, сами понимаете... Так что никакого отдельного помещения мы вам выделить не можем.

– А и не надо, – ответил Стариков. – Будем жить, как и все остальные. Лучше, если мы будем на виду, чтобы и партизаны о нас знали, и немцы. Через того же Воробья, или еще через кого-нибудь...

– А немцам-то для чего о вас знать? – не понял командир отряда.

– Так надо, – не вдаваясь в разъяснения, ответил Стариков. – Так что Воробья пока не трогайте. Если этот Воробей – и вправду фашистский шпион, то немцы именно от него и получают о нас сведения.

– Надо так надо, – пожал плечами Федос.

– Вот и отлично, – подвел итоги разговора Стариков.

Быть на виду с таким расчетом, чтобы о Старикове и Лысухине прослышали немцы – было частью разработанной операции. Нужно было, чтобы фашисты заинтересовались Стариковым и Лысухиным, обратили на них внимание как на ценных специалистов и, соответственно, как на опасных врагов. Тогда-то и отношение у фашистов к ним будет особое, когда оба смершевца приступят к следующей части задуманной операции, то есть попадут к фашистам в плен. Вот потому-то и ценен был для Старикова и Лысухина этот самый Воробей – конечно, если он и вправду был фашистским осведомителем. А не он – так кто-то другой. Хотя, конечно, лучше, если бы немецким агентом был именно Воробей. Потому что иначе

пришлось бы тратить время и силы, чтобы обнаружить или хотя бы заподозрить другого человека и разыграть уже с ним, а не с Воробьем тот же самый спектакль. А попробуй-ка вот так запросто, с наскоку, вычислить такого человека! Поэтому Старикову и Лысухину очень хотелось, чтобы фашистским агентом оказался именно Воробей. Если агентом окажется именно он, то это, можно сказать, настоящий подарок судьбы. Что ж, поглядим...

* * *

Нельзя сказать, что Лысухин был непревзойденным мастером взрывного дела. Все-таки он был разведчиком, а не диверсантом-взрывником, а это далеко не одно и то же. Впрочем, кое-что он в этом все же смыслил – во всяком случае, больше, чем партизаны, которые в недавнем прошлом были обычными штатскими людьми: колхозниками, рабочими, партийными сотрудниками, мирными стариками, а то и вовсе школьниками-старшеклассниками. На то и был расчет.

То же самое касается и Старикова. Он не был большим специалистом в подготовке и заброске агентов, он пока лишь приступал к этому тонкому делу.

Впрочем, ему все же было проще, чем Лысухину. Агентурная работа предполагает молчание и таинственность, тогда как Лысухин со своими громогласными уроками обязан был находиться на виду. Ну да сам Лысухин в этом никакой проблемы не видел. На виду так на виду. Для него гораздо проще было находиться именно на виду, общаясь с разношерстным и разномастным партизанским народом и разясняя партизанам всяческие истины относительно взрывного дела.

– Вот смотрите! – втолковывал Лысухин двум партизанам-минерам – болезненного вида пареньку и степенному старику с окладистой бородой. – Это немецкая мина! Между прочим, хорошая вещь. Надежная! Взрывается на счет «раз-два-три». А вы говорите, что она у вас не взорвалась. Заложили вы ее под рельс, а она – железяка железякой... Даже и не подумала взрываться. А почему так? А потому, что заложили вы ее неправильно. Не по инструкции. А немецкие мины взрываются только при соблюдении инструкции.

– Как нас научили, так мы ее и заложили! – глухим басом пробубнил старик. – А то как же еще?

– Значит, неправильно вас научили – коль не взорвалась! – махнул рукой Лысухин.

– Так ведь у других – взрывалась, – пожал плечами парнишка.

– Ну, стало быть, вы не усвоили науку, – ответил Лысухин. – Что-то сделали не так. Оттого она у вас и не взорвалась. Что ж, будем учиться заново. С нуля. Да-да-да! Ну а как вы хотели? Мина – это очень даже ценная штука! Это, можно сказать, взорванный фашистский поезд. Или мост. Или какой-нибудь другой вражеский объект.

– Да мы это понимаем... – сокрушенно покрутил головой старик.

– А коль понимаете, то слушайте меня внимательно! Вот глядите, как это делается...

...Воробья Лысухин заметил рядом с собой ближе к полудню. Точнее сказать, вначале ощутил его присутствие, а потом уже обратил на него внимание. Он, конечно, не знал, что это Воробей, но понял, что это именно он, каким-то особенным внутренним чутьем. Воробей оказался щуплым мужичонкой средних лет со сморщенным, усталым лицом, какие обычно бывают у многих жителей здешних мест – жителей, занятых постоянным тяжким трудом, обремененных заботами, а в последнее время еще и войной и всевозможными связанными с войной опасностями и тревогами. Хотя Лысухин пробыл в отряде всего ничего, но все равно со свойственной ему как разведчику наблюдательностью он заметил, что у многих партизан в отряде – такие же лица, как и у Воробья. То есть в этом плане Воробей ничем не выделялся из всех прочих партизан. Но все же это был именно Воробей и никто другой – тут Лысухин

ошибиться просто не мог. Воробей стоял в отдалении и молча наблюдал за уроком, который Лысухин проводил с партизанами-минерами.

– Привет, – сказал Лысухин Воробью. – Подходи поближе, коль уж пришел. Что это ты такой робкий? Подходи, поучишься. Ты ведь тоже взрывник, как я понимаю?

– Нет, я не взрывник, – торопливо ответил Воробей. – Я по другой части... Просто проходил мимо, а тут, гляжу, новый человек в отряде...

– А-а-а, – с нарочитым равнодушием протянул Лысухин. – Значит, ты по другой части... А все равно – подошел бы, если есть время. Поучился бы... Авось и пригодится в будущем. Партизан должен уметь все. Он и взрывник, и разведчик, и... Я правильно рассуждаю?

– Да-да, – все так же торопливо ответил Воробей. – Вы правы... Я и сам хотел подучиться взрывному делу, но все недосуг.

– Тогда тем более присоединяйся, – сказал Лысухин. – Заодно поведай, как тебя кличут?

– Воробей.

– Что ж, Воробей так Воробей... А меня можешь называть Минер. Я инструктор по взрывному делу. Так что – прозвище мое по существу.

Воробей подошел к партизанам-минерам и молча стал слушать. Лысухин старался не обращать на него видимого внимания, но краем глаза он неотрывно следил за тем, как ведет себя Воробей. То, что он подошел к Лысухину и партизанам – было неспроста. Просто так, любопытства ради, он бы не подошел. Другие партизаны ведь не подходили, хотя урок Лысухин давал не где-нибудь в землянке, а под открытым небом. Все, кто проходил мимо, видели и слышали Лысухина, даже косились на него, но никто не остановился поблизости. А вот Воробей остановился. Значит, у него имелся какой-то конкретный интерес к личности Лысухина. И к тому же минувшей ночью командир отряда Федос также упоминал Воробья. Говорил, что подозревает его в том, что он – немецкий шпион.

А в результате получается очень даже любопытная картина. Тот, кого командир отряда подозревает в шпионстве, подходит к Лысухину и останавливается рядом. Нарочно подходит, целенаправленно – иначе бы прошел мимо, как проходят другие партизаны. И вряд ли это может быть случайным совпадением. Лысухин как опытный разведчик в такие совпадения не верил. Более того – он их не допускал. А стало быть, очень интересная птица – этот Воробей. Что ж, пускай он полетает рядышком. Как раз это и надо Лысухину и Старикову.

...Встретились Стариков и Лысухин лишь с наступлением сумерек. отошли в сторону подальше от посторонних ушей и глаз, присели на поваленное, обросшее мхом бревно.

– Ну и как прошел денек? – спросил Лысухин. – Научил дедов и юношей внедряться во вражеские тылы?

– Так ведь это дело секретное и тонкое. – Стариков устало махнул рукой. – Тут чем больше таинственности, тем вернее. Вот я с таинственным видом провел весь день. Утомительное, знаешь ли, дело.

– Это потому, что нет в тебе артистического таланта, – заявил Лысухин. – Прямой ты и понятный, как это бревно, на котором мы сидим. В отряде – оно и ничего, народ здесь простой и бесхитростный, а что будет, когда мы угодим туда?... – Лысухин указал рукой куда-то вдаль. – А там-то, я думаю, нам нужно будет проявлять весь наш артистический талант во всю мощь. Иначе – хана нам. Так что учись, пока есть такая возможность, лицедействовать.

Помолчали. Над лесом сгущались сумерки. Неба почти не было видно, его застилали густые кроны сосен. Откуда-то издали доносились глухие непонятные звуки, как оно всегда и бывает в лесу, когда надвигается ночь.

– Будто и войны нет никакой, – задумчиво сказал Стариков. – Тихо, покойно...

– Как же, – скривился Лысухин. – Куда же она подевалась, та война? Здесь она, проклятая, совсем рядышком... А потому давай будем говорить о войне. – Он помолчал, глядя во

все густеющую тьму, затем усмехнулся. – Познакомился я сегодня с одним интересным человеком...

– С Воробьем? – спросил Стариков.

– С ним, красавцем, – кивнул Лысухин. – А ты откуда знаешь?

– Догадался, – ответил Стариков. – И что же?

– Да в общем ничего особенного... Подошел ко мне, когда я вел урок взрывного дела. Ну, то есть разъяснял героическим минерам, как нужно правильно закладывать немецкую мину, чтобы она в нужный момент взорвалась. Подошел значит, стоит, слушает... Подходи, говорю, поближе, что это ты такой робкий? Подошел поближе. Я, говорит, всю свою партизанскую жизнь мечтал подучиться взрывному делу. Ну, говорю, учись... А как тебя звать? Воробей, говорит. Вот так-то. Интересно?

– Интересно, – кивнул Стариков. – А еще интереснее то, что...

– Эта птица прилетала сегодня и к тебе, – перебил товарища Лысухин. – Я правильно понял?

– Правильно, – сказал Стариков.

– И, как я понимаю, уверял тебя, что всю свою жизнь мечтал научиться всяким таким агентурным штучкам, – продолжил Лысухин.

– Именно так, – сказал Стариков.

Они опять замолчали, вслушиваясь в близкие и отдаленные ночные звуки леса.

– Прав, стало быть, командир отряда Федос насчет этого Воробья! – вздохнул Лысухин. – Не нашего полета эта птица! Иначе не стал бы он так настойчиво кружить вокруг меня и вокруг тебя. Вот только...

– Что? – спросил Стариков.

– Уж слишком все просто получается! – Лысухин прислонился к стволу сосны и закрыл глаза. – Как-то не по-шпионски, что ли... Что ж он так откровенно? Просто-таки не таясь... Ведь так и засветиться недолго...

– Непуганый потому что, – предположил Стариков. – И не знает, что находится под подозрением. Оттого и прет напрапалую.

– Или, может, просто дурак, – в свою очередь, предположил Лысухин.

В ответ Стариков лишь шевельнулся в темноте.

– Надо бы еще раз поговорить с командиром насчет этого Воробья, – предложил Лысухин. – Разузнать, кто он, что он, как появился в отряде, давно ли воюет... Ну и все такое прочее. Выяснить, насколько это возможно, что он за личность.

– Завтра и поговорим, – сказал Стариков. – А пока будем устраиваться на ночлег. Федос расстарался и выделил нам отдельный шалаш. Сказал, что соорудили специально для нас.

– Ну да? – весело удивился Лысухин. – Это же просто замечательно! Шалаш – это просто-таки царские апартаменты применительно к партизанским условиям!

Глава 7

Но долго спать им не пришлось. Едва только занялся рассвет, как откуда-то послышался надсадный вой и где-то невдалеке раздался взрыв. А за ним – другой, третий, четвертый...

– Что такое? – первым вскочил на ноги Лысухин. – А, дьявол... Немецкие минометы! Отличаю я голос любимой среди десятка других голосов...

И Лысухин со Стариковым выбрались из шалаша. Не выскочили наобум и очертя голову, а выбрались со всеми предосторожностями, почти по-пластунски, как и подобает бывалым фронтовикам. Весь отряд был уже на ногах. Большинство, пригибаясь и оглядываясь, уходило в сторону болот. Некоторые вели на поводу лошадей, запряженных в обычные крестьянские телеги – оказывается, в отряде были и лошади. Небольшая группа вооруженных людей, перебегая от дерева к дереву, устремилась в ту сторону, откуда раздавался вой минометов и сухо трещали редкие винтовочные выстрелы.

– Прикрытие! – догадался Лысухин. – Будут держать оборону, пока все прочие не укроются в болотах! Эхма!

И ни секунды не медля, Лысухин с автоматом наперевес устремился вслед за бойцами группы прикрытия.

– Куда? – заорал Стариков, и Лысухин от неожиданности остановился: он никогда еще не слышал, как Стариков кричит.

– Туда, – указал Лысухин. – Помогать... Куда же еще?

– Назад! – жестко произнес Стариков.

– Это почему же? – прищурился Лысухин, и в этом своем прищуре стал похож на какого-то стремительного, готового к смертельному прыжку невиданного зверя. – Что же, нам вслед за всеми бежать на болота?

– Да! – отрывисто произнес Стариков. – На болота!

– Это почему же? – повторил Лысухин.

– Чтобы нас не убили, – уже спокойнее сказал Стариков. – Вот почему. Нельзя нам сейчас погибать. Сам понимаешь.

– А... – попытался что-то возразить Лысухин, но не возразил. – Да, в самом деле... Нельзя нам с тобой сейчас погибать... Еще успеем...

И он, волоча за собой автомат, не спеша пошел в ту же сторону, куда второпях ушла большая часть отряда.

– Бегом! – приказал Стариков. – Нам надо догнать отряд. – А то ведь утопнем в тех болотах...

Отряд они догнали быстро. Тут же увидели и командира отряда Федоса.

– А, вот вы где! – выдохнул Федос. – А я-то все ищу вас... Куда, думаю, вы запропалились?

– Да, это мы и есть, – невесело усмехнулся Лысухин. – Во всей своей красе, целые и невредимые.

– Ну, тогда старайтесь ступать след в след за другими, – сказал Федос. – Ни влево, ни вправо – ни шагу. Утопнете. наших болот-то вы не знаете...

– Не знаем, – согласился Стариков.

– Вот и не уклоняйтесь от маршрута, – сказал Федос. – Повторяю – след в след!

* * *

Шли не так и долго – не больше часа. Отряд остановился.

– То ли берег, то ли остров, – предположил Лысухин. – Короче говоря, твердь земная. Фу-х!

Похоже, дальше отряд идти не намеревался. Коноводы отвели лошадей подальше от болота, люди в изнеможении опустились на землю. К Старикову и Лысухину подошел Федос.

– Дальше не пойдем, – сказал он. – Сюда они не сунутся. Утопнут...

– И долго мы здесь будем сидеть? – спросил Стариков.

– Как обычно – два или три дня, – ответил Федос. – Потом вернемся. Да вы не переживайте – это дело обычное. Они на нас приступом, а мы – в болота. Затем, конечно, мы возвращаемся, и снова в бой.

– А те, которые остались в прикрытии? – спросил Лысухин.

– А что те? – не понял Федос, но тут же догадался о чем речь. – Ах, те... Вернутся к нам, если останутся живы. Или дождутся нас на твердом берегу.

– А что, бывает, что выживают? – спросил Лысухин.

– Всякое бывает, – ответил Федос. – Ну, главное я вам объяснил. А во всем прочем разберетесь и без меня.

И он отошел, на ходу давая какие-то распоряжения партизанам. Какое-то время Стариков и Лысухин молча лежали на майской траве и смотрели в небо, по которому бесконечной чередой с запада на восток плыли рваные серые облака.

– Просушиться бы, – сказал наконец Лысухин. – Да и грязь с себя отмыть не помешает. А то ведь мы будто и не люди, а какие-то водяные. Или болотные черти. Как ты думаешь, если мы снимем с себя всю одежду вплоть до исподнего – это будет прилично смотреться в здешнем обществе?

– Другие вот – сушатся и моются, – кивнул Стариков. – Значит, можем и мы.

– Ну, тогда я совершенно спокоен относительно собственного целомудрия! – махнув рукой, весело сказал Лысухин. – А то ведь оно такое дело... Сдается мне, во время нашего болотного похода я заметил нескольких дам...

Он поднялся с травы, нерешительно потоптался и глянул искоса на Старикова.

– Не держи на меня души, – вздохнул он. – Ну, за мое желание помочь тем, кто остался в прикрытии. Ты же понимаешь... Ведь там сплошь мальчишки да старики. Вояки... Вот мне и захотелось им подсобить. Можно сказать, спонтанно. В порыве чувства. Ведь, я думаю, полягут они все... А так-то ты, конечно, прав. Нельзя нам сейчас погибать.

– Ладно! – без всякого выражения произнес Стариков. – Что об этом говорить... Здесь все понятно и без разговоров.

* * *

Из болот отряд вышел через двое суток. Без всякой опрометчивости и не с бухты-барахты, конечно, а предварительно отправив ночную разведку. Вернувшись на рассвете, разведчики доложили, что немцев в лагере нет, как, собственно, нет и никакого лагеря. Весь нехитрый, неустроенный, временный партизанский быт немцы, уходя, разрушили до основания. Что-то сожгли, все остальное – разломали. Из группы прикрытия в этот раз осталось довольно-таки много бойцов – целых восемнадцать человек. Из них – половина раненых. Все они ждут отряд на прежнем месте.

Опять же, очертя голову, отряд на место постоянного своего расположения не двинулся. Имелись веские причины подозревать, что постоянное место расположения отряда немцами заминировано. Равно как и дорога, ведущая от расположения лагеря к болоту, где скрылись партизаны. Поэтому прежде всего надо было разобраться с минами, а уже затем выводить отряд из болота на твердую землю.

На этот раз Федос принял решение и вовсе не возвращаться на прежнее место.

– Лес – большой, места нам хватит, – сказал он. – Так что где-нибудь поселимся. И мин там нет, и немца хотя бы на время собьем с толку. А вот дорогу разминировать надо бы. По минам – как выберешься из болота?

– А, командир? – глянул Лысухин на Старикова. – Подсобить бы надо братьям по оружию! Как-никак я – специалист по взрывному делу. Не поймут товарищи партизаны, если мы не подсобим. Заподозрят...

Стариков ничего не сказал, но в словах не было и надобности. Молчание порой бывает красноречивее всяких слов.

– Вот и хорошо! – весело улыбнулся Лысухин и нашел взглядом Федоса. – Командир, а позволь мне самолично возглавить разминирование дороги!

Федос, ничего не говоря, посмотрел на Лысухина, затем – на Старикова, и так же молча кивнул.

...Разминирование дороги продолжалось с раннего утра до поздних сумерек. Нашли и обезвредили не так и много мин – всего двенадцать. То ли у немцев была нехватка мин, то ли они просто поленились минировать дорогу гуще.

– Все в порядке, командир! – доложил Лысухин Федосу. – Можешь безбоязненно вести своих гусар к новому месту подвигов... Петро! – обратился он к Старикову, присутствовавшему здесь же. – Как видишь, я живой. Правда, грязи на мне – целый пуд, но ты знаешь – я уже начинаю к ней привыкать. Какой-то, понимаешь, образуется внутренний душевный уют, когда я в грязи. Будто, понимаешь, так оно и надо.

Выводили отряд ночью. Здесь, конечно, присутствовали дополнительные сложности. Даже днем ходить по болотам – дело опасное, а что уж говорить о ночных путешествиях? Но выбрались все, никто не утоп – ни люди, ни лошади. По пути прихватили бойцов из группы заслона – уцелевших и раненых, и перешептываясь, вполголоса понукая упрявившихся лошадей, пошли на другой край леса обустраивать себе новую временную партизанскую базу – с такой же тревожной и опасной жизнью, как и на всех предыдущих пристанищах. Ну а куда было деваться? Надо было воевать, надо было побеждать.

Глава 8

Полковник Вайскопф, комендант лагеря, с молчаливым, злобным прищуром смотрел на стоящего перед ним гауптмана Ауга. Этот самый Ауг вызывал у полковника раздражение – причем с каждым разом все большее. А буквально вчера он довел полковника до настоящего бешенства. Конечно, Вайскопф старался своего раздражения не показывать, он в силу своего звания, должности и положения обязан был держать себя в руках. Ведь что такое раздражение, выплеснувшееся наружу? Это всегда – признак собственного бессилия. Собственной несостоятельности, если угодно. А высказанное собственное бессилие и собственная несостоятельность – вещи опасные. В конце концов, у полковника Вайскопфа также имеется свое начальство. И что будет с полковником, если он распишется в собственном бессилии? Ничего хорошего не будет. В лучшем случае отправят на Восточный фронт. А в худшем... Об этом не хотелось даже и думать.

Но и не раздражаться было нельзя. Не получалось у полковника Вайскопфа быть спокойным и душевно уравновешенным. И причиной тому в первую очередь был гауптман Ауг. Ведь это ему, Аугу, было поручено уничтожить партизанский отряд, действовавший неподалеку от городка Астаповичи, в окрестных лесах. Казалось бы – что тут такого сложного? В том отряде человек сто, не больше. Причем большей частью старики и юнцы. Казалось бы, какие из них партизаны? При должном умении и старании уничтожить такой отряд – дело, не стоящее даже того, чтобы о нем рассуждать. Простейшая задача!

Но гауптман Ауг, которому была поручена эта задача, не мог с ней справиться вот уже более года! Несмотря на то и дело повторяющиеся карательные экспедиции, невзирая на наличие в отряде своего агента, отряд оставался неуловим. Каждый раз, как только каратели подступали к отряду, отряд тотчас же снимался с места и уходил в болота. Партизанская тактика была простейшая, по мнению полковника Вайскопфа – предельно примитивная, но тем не менее всякий раз она спасала партизан. Болота были для них спасением. Каратели в те болота соваться опасались. Сунулись вначале, как только партизанский отряд обозначил себя в здешних местах, да так половина карателей в тех болотах навеки и осталась. А самим партизанам хоть бы что! Пересидят в болотах и вновь объявляются в окрестностях Астаповичей, и вновь все начинается снова: диверсии, обстрелы, прочие партизанские пакости...

И ладно бы в партизанском отряде были опытные, матерые бойцы, а то ведь – обычные здешние обыватели, селяне! Все сплошь, как и их командир – какой-то Федос! Это обстоятельство раздражало полковника Вайскопфа больше всего. Его, опытного военного, выигравшего немало сражений, больше года водит за нос какой-то селянин Федос! Было от чего прийти в ярость полковнику Вайскопфу! И главным виновником полковничьей ярости был не Федос, а именно гауптман Ауг, которому была поручена ликвидация партизанского отряда. Бездарь, тупица! Таким самое место на восточном фронте! Будь его воля, полковник давно бы уже избавился от этого ничтожества Ауга! Но не он назначал его на это место, а потому и снимать Ауга с должности у полковника не было никакого права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.